

В её сердце укоренилась и проросла еще более сильная мысль: она должна найти Цзигуна и умолить его превратить ее в неземную красавицу!

Стоит ей стать прекрасной, и, если при этом она будет носить имя Чжуан Тяньэ, Би Панань непременно станет предан ей до гроба. Тогда и нежность, и любовь — всё будет у неё в руках.

Она больше не обращала внимания на Бицина.

Развернувшись, она быстрым шагом направилась к главному залу монастыря Линьинь. Ее походка была порывистой и решительной, словно она уже видела себя ослепительно прекрасной.

А неподалеку, под старой софой, за всем этим наблюдала Чжоу Тяньэ.

— Чжуан Тяньэ? — прошептала она, повторяя это имя, и уголки ее губ тронула холодная усмешка. — Украсть чужое имя, присвоить чужую судьбу. Чжуан Хунсин, неужели ты не понимаешь, что в этом мире за всё, что тебе не принадлежит, придется заплатить стократными страданиями?

Только теперь Чжоу Тяньэ до конца осознала корень того абсурдного финала, что ждал ее в прошлой жизни. Почему Чжуан Хунсин внезапно сменила имя и почему с таким нетерпением стремилась выйти замуж за уродливого Би Пананя.

Оказалось, она гналась за призрачной внешней оболочкой, выдавала себя за другого человека, сама срежиссировала этот фарс, где всё перепуталось, и в итоге сама же себя загнала в ловушку.

— Что ж, — кончиками пальцев она нежно провела по неровному шраму на щеке, ощущая его холод. — Неблагодарная, ты хотела отнять чужую судьбу, а в итоге сама рухнула в бездну.

Этот спектакль она непременно должна увидеть своими глазами.

Она сама навлекла на себя эти муки, а моя месть еще даже не начиналась. Хи-хи.

Тем временем госпожа Чжуан, не сумев найти Святого монаха Цзигуна, наткнулась у главного зала на пухлого монаха в богатом облачении — это был настоятель Гуанлянь.

Гуанлянь сложил ладони у груди, на его лице расплылась добродушная улыбка, и он произнес буддийское приветствие:

— Амитофо, приветствую вас, госпожа.

Госпожа Чжуан поспешно ответила на поклон и с мольбой взглядела в него:

— Учитель, скажите, не вы ли тот Святой монах, чей дар исцеления творит чудеса?

Глаза Гуанляня хитро блеснули. Раз Цзигуна нет, подумал он, почему бы самому не примерить титул Святого монаха? Он выпятил грудь и ответил звучным голосом:

— Именно так! Какая беда у вас приключилась, рассказывайте без утайки. Будда милостив, я

непременно сделаю всё, что в моих силах!

— О, как же это замечательно! — Госпожа Чжуан обрадовалась так, будто ухватила за спасительную соломинку. — Учитель, молю вас, проявите милосердие... не могли бы вы... применить буддийское искусство и изменить облик моей дочери?

Она указала на морщины беспокойства у себя на лице, словно они могли передать все страдания ее дочери.

— А? Вернуть красоту? — Улыбка на лице Гуанляна мгновенно застыла.

Сердце у него ёкнуло: такое чтением сутр или ударами в деревянный гонг не исправишь. Он замялся, на лбу выступил пот, и он лихорадочно соображал, как бы выкрутиться.

В этот момент к ним в окружении служанок подошла богато одетая дама, чей наряд звенел от обилия драгоценностей. Увидев Гуанляна, она склонилась в поклоне:

— Амитофо, почтенный учитель. Моя фамилия Би, я пришла просить за моего сына Би Пананя, чтобы он обрел счастливый брак.

— Би Панань? — Гуанлян опешил и почесал свою блестящую макушку, про себя посмеиваясь:
— Еще более красивый, чем Пан-ань? Имя выбрано занятно, амбиции у них нешуточные!

Госпожа Би приняла из рук служанки тяжелый, искусно вышитый кошель и с благоговейным видом протянула его монаху:

— Это мой скромный дар, плата за благовония на полгода вперед. Покорнейше прошу принять. Если мой сын найдет достойную партию, семья Би в долгу не останется!

Один только вид этого увесистого кошель привел Гуанляна в восторг. Он еще не успел протянуть руку, как стоявшая рядом госпожа Чжуан, будто открыв Америку, поспешно подала знак своей служанке, чтобы та тоже преподнесла тяжелый кошель, и перебила:

— Святой монах, у меня тоже есть подношение! Здесь тоже плата за полгода, прошу вас, примите! Я хочу просить о счастливом браке для моей дочери Хунсин, надеюсь, вы уделите нам внимание и замолвите за нас словечко перед Буддой!

Глядя на два увесистых доказательства искренности, Гуанлян расцвел. Недавнее замешательство вмиг улетучилось. Он поспешно спрятал кошель в широкие рукава рясы — так быстро, словно боялся, что они отрастят крылья и улетят.

Его лицо просияло:

— О-хо-хо, вы обе обратились по адресу! Будды в нашем монастыре Линъинь самые милосердные и отзывчивые!

Он расправил плечи, прочистил горло и принял самый авторитетный вид:

— Не стану скрывать, наш монастырь славится не только защитой от невзгод, но и тем, что молитвы о браке здесь исполняются особенно быстро! Кому угодно известно! Главное — искренность и щедрые подношения, и тогда Будда непременно благословит ваших детей, они скоро соединятся узами брака, и ваша главная забота будет разрешена!

Обе дамы, словно приняв чудодейственное снадобье, принялись со сложенными руками

благодарить его.

И вот, в самый разгар этой идиллической атмосферы, словно вихрь, на площадку ворвалась фигура в вуали — это была Чжуан Хунсин. Она схватила госпожу Чжуан за руку, ее голос дрожал от возбуждения:

— Мама! Мама! Я выйду замуж за Би Пананя! Я хочу выйти за него!

Госпожа Чжуан, ошеломленная этой внезапной безумной речью, едва не лишилась чувств. Лицо ее побелело, она вцепилась в дочь и, понизив голос, воскликнула:

— Хунсин! Ты... ты что за бред несешь! Девушке ли говорить такое, где твой стыд?!

Ей казалось, что земля уходит из-под ног, она готова была провалиться сквозь нее. Что за неожиданная напасть? Неужели монастырь Линъинь настолько силен?

Стоявшая рядом госпожа Би просияла. Она поспешно подошла и с жаром схватила руки госпожи Чжуан и Чжуан Хунсин. Оглядев стройную фигуру девушки, скрытую под вуалью, она радостно воскликнула:

— Ой! Неужели это сам Будда явил свою милость? Только я попросила за сына, как появилась такая... такая решительная девица! Сестрица, мне кажется, ваша дочь и мой сын — идеальная пара! Почему бы нам прямо сейчас перед ликом Будды не обручить их? Назначим свадьбу на ближайшие дни, пусть поскорее войдет в наш дом, как вы на это смотрите?

Услышав такое, Чжуан Хунсин пришла в неописуемый восторг. Даже небеса помогают мне. Это же мать господина Би! Похоже, их союз действительно благословлен свыше!

Боясь упустить этот божественный шанс, она забыла о всякой скромности. Вырвав руку у матери, она принялась кивать госпоже Би, говоря с решимостью человека, готового идти до конца:

— Тетушка! Я согласна! Я согласна! Я — Чжуан Тяньэ, я согласна выйти за господина Би!

— Чжуан Тяньэ?! — Госпожа Чжуан услышала, что дочь даже имя сменила, у нее потемнело в глазах, и она покачнулась. Лишь поддержка служанки не дала ей упасть в обморок прямо там.

Она смотрела на сияющую госпожу Би и свою дочь, словно одержимую демоном, и чувствовала, как рушится ее мир. Вся честь их семьи была втоптана в грязь в этот самый день.

А Гуанлянь, чувствуя тяжесть серебра в рукаве и глядя на это внезапно сложившееся сватовство, улыбался так, что глаз не было видно. Он искренне считал, что сегодняшней день в роли Святого монаха удался на славу!

В тот момент, когда Чжуан Хунсин и госпожа Би уже почти утвердили дату свадьбы, госпожу Чжуан охватило дурное предчувствие, кровь ударила в голову, перед глазами поплыло, и она начала оседать на землю.

— Госпожа Чжуан!

Раздался прохладный голос, и в тот же миг Чжоу Тяньэ, невесть откуда возникнув, подхватила падающую женщину. Она ловким движением достала изящную, благоухающую пилюлю и быстро отправила ее в рот госпожи Чжуан.

— У вас наверняка случился приступ от сильного волнения, скорее примите эту успокоительную пилюлю.

Пилюля растаяла во рту, разливая приятную прохладу. Стеснение в груди госпожи Чжуан тут же значительно ослабло. Она крепко ухватилась за руку Чжоу Тяньэ, слезы градом покатались по ее щекам, она начала бить себя в грудь:

— Глупая! Какая же я глупая!

Она не знала, кого корит больше: нелепое поведение дочери или собственное бессилие.

Чжуан Тяньэ (Чжоу Тяньэ) сохраняла ледяное спокойствие, но рука ее сработала мастерски: она полупринудительно оттащила Чжуан Хунсин, которая уже почти висела на госпоже Би.

— Сестрица Хунсин, разве можно так легкомысленно относиться к браку? Это требует серьезного обдумывания. Не стоит нарушать покой святого места, лучше вернитесь домой с госпожой.

Госпожа Би, решив, что семья Чжуан просто набивает цену, не стала препятствовать и лишь громко рассмеялась:

— Раз уж свахе нездоровится, пусть отдохнет дома! Завтра! Завтра я сама пришлю сватов с официальным предложением! Договорились!

Госпожу Чжуан почти на руках вынесли из монастыря Линъинь Чжоу Тяньэ и служанки. Вернувшись домой, женщина была совершенно истощена, но попросила Чжоу Тяньэ остаться. Она держала девушку за руку, глядя на это рассудительное, знающее медицину и понимающее жизнь существо, и, вспомнив свою словно заколдованную дочь, залилась горькими слезами:

— Тяньэ... если бы моя дочь была хоть чуточку похожа на тебя... за какие грехи мне это наказание... — всхлипывала она, изливая свою обиду и тревогу.

Эти слова случайно услышала Чжуан Хунсин, которая украдкой прокралась к двери, желая узнать, что задумала мать.

— Бах!

Дверь с грохотом распахнулась! Чжуан Хунсин, словно подожженная петарда, ворвалась в комнату. Ее глаза были налиты кровью, она ткнула пальцем в Чжоу Тяньэ и завизжала на мать:

— О чем ты опять с ней шепчешься?! Опять хочешь, чтобы она смотрела, как я позорюсь?!

Не слушая никаких оправданий, она, словно одержимая, начала крушить мебель и посуду, звон разбитого фарфора резал слух.

— Мне плевать! Ты слышала?! Семья Би завтра придет свататься! Ты должна! Немедленно! Прямо сейчас найти Цигуна! Пусть он сделает меня красивой! Иначе... — она бросилась к матери, ее лицо исказилось от жадности и ярости, и она прошипела угрозу, отчеканивая каждое слово: — Если ты не согласишься на это сватовство и не сделаешь меня красавицей, я

больше не назову тебя матерью! Раз она тебе так нравится, вот и живи со своей Тяньэ! Посмотрим, на что я способна!

Выкрикнув это, она словно выдохлась. Быть может, уверенная, что мать все равно уступит, она бросила на Линь Шуан (Чжоу Тяньэ) свирепый взгляд и, рыдая, убежала в свою комнату, оставив после себя лишь беспорядок.

Госпожа Чжуан, раздавленная жестокими словами дочери, бессильно опустилась на стул. Лицо ее стало серым, даже слезы высохли.

Чжоу Тяньэ стояла в стороне, наблюдая за этим представлением. Одержимая стерва, подумала она. Ей не внешней красоты не хватает, а мозгов. Ей стало любопытно: как же Чжуан Хунсин умудрилась так измениться из-за замужества? Из той, кто не даст себя в обиду, превратилась в покорную жену, которая терпит всё. Стала добренькой, очистила свою репутацию — надо же, как интересно. Неужели это та самая закономерность: чем сильнее злодейство, тем мощнее «очищение»?

Госпожа Чжуан, чье сердце было разбито на куски, прошептала:

— Наказание... за какие грехи мне досталось такое отродье...

Она взглянула на спокойную и благородную Чжоу Тяньэ, и невыразимая печаль смешалась с жадой: вот если бы Тяньэ была ее дочерью... Подумав, что девушка сирота и совершенно одна, она предложила ей стать своей приемной дочерью. Чжоу Тяньэ немного поразмыслила и покорно согласилась. Ей как раз был нужен повод, чтобы получше «насладиться» финалом истории Чжуан Хунсин. Да и насолить ей будет проще.

На следующий день Чжуан Хунсин во что бы то ни стало заставила мать везти ее в монастырь. Она должна заставить Цзигуна сделать ее красивой! Не имея выбора, госпожа Чжуан взяла с собой родную, непутевую дочь и новоявленную приемную, и они снова отправились в путь.

В монастыре легендарный Святой монах Цзигун как раз совершал чудо для хромого нищего. Он небрежно протянул ему пилюлю, названную «Выпрями ногу, открой глаза», и нищий мгновенно вскочил на ноги, рассыпаясь в благодарностях.

Чжуан Хунсин, увидев это, пришла в восторг: если у него такие магические способности, изменить ей лицо — пара пустяков! Она бросилась к нему, требуя сделать ее красавицей. Цзигун поначалу отнекивался, отшучивался, но Хунсин была непреклонна, угрожала смертью, каталась по земле — в общем, пустила в ход все средства.

Наконец, не выдержав, Цзигун почесал свою дырявую шляпу и с редкой серьезностью посмотрел на нее:

— Девочка, ты хорошо подумала? Чтобы что-то получить, нужно что-то отдать. Ты не пожалеешь?

Хунсин, не слыша ни слова, крикнула:

— Лишь бы стать красавицей, я отдам что угодно! Ни о чем не пожалею!

— Ох, порочная связь, порочная... — Цзигун вздохнул, что-то прикинул в уме, будто увидел финал, и взмахнул веером. — Будь по-твоему. Возвращайся и жди. В день твоей свадьбы ты получишь всё, чего желаешь, но при этом... ты потеряешь свой голос.

Ну прямо как в сказке про русалочку.

— Спасибо, Святой монах! Спасибо! — Хунсин услышала только первую часть и, сияя от счастья, потащила мать домой готовить приданое. Она уже видела себя в свадебном наряде, затмевающей своей красотой весь мир.

Когда они уже собирались уходить, до того молчавшая Чжоу Тяньэ сделала шаг вперед и преградила дорогу Цзигуну.

— Святой монах, — голос ее был спокоен, но полон силы. — Раз вы обладаете безграничной мощью, не могли бы вы помочь мне убрать шрамы с лица и вернуть мой прежний облик?

Цзигун поковырял в ухе, взглянул на нее и покачал головой:

— Девочка, ты слишком алчна. У всего есть цена, зачем ты так цепляешься за внешность?

Тяньэ не отступила, напротив, она с улыбкой посмотрела на него и задала вопрос, который давно тяготил ее сердце:

— Цена? А я только что видела, как вы исцелили хромого, вернули ему ногу — какую цену он заплатил?

Цзигун хмыкнул:

— Спасение жизни, помощь ближнему — разве тут уместны разговоры о цене? У него была сломана нога, он был нищ, он был жалок, монах обязан был его спасти.

— Спасение жизни, помощь ближнему... — Тяньэ медленно повторила эти слова, и улыбка ее стала еще ярче. — Тогда позвольте спросить, почтенный монах. Он сломан и нищ — это жалко. А я — одинокая сирота, изуродованная ради спасения другого человека. Я терплю насмешки, у меня нет будущего, я изгоняема отовсюду из-за злых слухов — разве это не жалко? Разве мои страдания не ужасны? — Она сделала шаг вперед. — Неужели в глазах Святого монаха боль делится на ранги? Исцелить хромого — это заслуга, а вернуть лицо той, кто пострадал ради добра, — это алчность?

Цзигун опешил. Но тут же вернул на лицо свою вечно насмешливую гримасу:

— Ой, девочка, какая же ты острая на язык. У тебя такая чистая аура и доброе сердце, ты уже совершенна! Зачем стремиться к пустой внешности?

— Я просто хочу вернуть то, что принадлежало мне по праву. Разве это не естественно? Если вы считаете, что я должна заплатить какую-то цену — скажите мне прямо, — Тяньэ не собиралась сдаваться.

— Ладно, ладно, не переспорить тебя, — Цзигун явно не хотел продолжать этот разговор, зевнул и собрался уходить. — Алчность — это алчность, как ни называй...

В мире нет ничего идеального, потеря чего-то — это часть человеческой судьбы. Но смертным этого не понять. Он побрел прочь, помахивая веером, явно не собираясь больше обращать на Чжоу Тяньэ внимания.

А Чжуан Хунсин уже извелась от нетерпения:

— Чжоу Тяньэ, тебе до конца жизни ходить такой, ха-ха-ха! Лучше смени имя на «горная

курица». — Она дернула мать за рукав: — Мама, скорее! Домой, готовить лучший наряд! Я буду самой красивой невестой!

Слова Цзигуна об «алчности» разозлили этого могущественного духа. Она всегда придерживалась принципа «у каждой вины есть виновник», а этот монах действовал лишь по своему настроению, прикрываясь высокими словами о карме. Раз стандарты так изменчивы, то и ей нет нужды придерживаться правил.

В глубине ее глаз затаилась тьма. Раз ей не по себе, никто не должен быть счастлив. А что до Чжуан Хунсин... ей и так осталось недолго.

Она лишь мягко улыбнулась госпоже Чжуан:

— Матушка, идите с сестрой, готовьтесь к свадьбе, а я хочу прогуляться по храму, успокоиться.

Проводив их, Линь Шуан (Чжоу Тяньэ) непринужденно зашагала по аллеям, словно ведомая невидимой нитью, к пруду с лотосами на заднем дворе. Поверхность воды отражала небо, в ней лениво плавали золотые рыбки. Она оперлась о перила, кроша в воду кусочки лепешки, найденные невесть где. Она бросала крошки в воду, и голос ее звучал тихо и печально, словно она говорила сама с собой или жаловалась пруду:

— Почему... Святой монах предпочел исполнить прихоть сестры Хунсин, а мне не помог вернуть мой облик? И еще называл алчной... Я пострадала, спасая человека, неужели я этого заслуживаю? А теперь даже имя Тяньэ, оставленное мне родителями, забрала сестра Хунсин... Что у меня осталось? Иногда так хочется просто уйти... Лишь бы хоть раз снова встретиться с тем Благодетелем, что был у меня много лет назад, и тогда я была бы счастлива умереть...

Самая крупная золотая рыбка, чьи движения были особенно живыми, была воплощением Рыбьего духа Инь Хуань, той, что когда-то укусила Чжоу Тяньэ. Слушая эти стенания, она презрительно усмехнулась:

— Смешно! Эта ничтожная смертная, изуродованная мной, еще смеет надеяться на восстановление? Глупая мечта! И еще посмела помыслить о моем Благодетеле? Истинная самоубийца!

Она уже собиралась взмахнуть хвостом, чтобы проучить эту зарвавшуюся женщину, как вдруг изнутри ее тела вырвалась острая, невыносимая боль! Это была не просто рана от лезвия, это было ощущение, словно тысячи игл пронзают ее одновременно, а плоть начинает гнить и гноиться прямо изнутри.

— Ур-гх! — Инь Хуань забилась в глубине пруда, ее прекрасная чешуя вмиг потускнела.

Она была в ужасе, не понимая, откуда пришла эта боль, и, отчаянно работая хвостом, поспешила скрыться в потайной пещере на дне, пытаясь силой культивации подавить это жуткое разложение.

Так больно! Что происходит?!

А на берегу Линь Шуан по-прежнему сохраняла скорбную позу.

<http://bllate.org/book/21973/2282990>